

зации учатся, приобретают опыт, и есть надежда, что современный этап – это выход из порочного и замкнутого круга междоусобиц и авторитаризма на более высокую ступень взаимоотношений как организаций, так и их членов¹⁹.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: *Герман А. А.* Немцкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. М. : МСНК-пресс, 2007; *Его же.* Исторический феномен Республики немцев Поволжья (1918–1941 гг.) // *Российская история.* 2012. № 4. С. 27–46.
- ² *Герман А. А.* «Если останусь жив...» : Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 40.
- ³ См.: *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р.* История немцев России. М. : МСНК-пресс, 2005. С. 485.
- ⁴ Там же. С. 484.
- ⁵ См.: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 286–303. Выборка сделана автором.
- ⁶ Подробнее см.: *Герман А. А.* Немцы СССР на спецпоселении // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2014. Т. 14, вып. 2. С. 39–47. Текст Указа от 13 декабря 1955 г. см.: *История российских немцев в документах.* М. : Междунар. ин-т гуманитарн. программ, 1993. С. 177.
- ⁷ Немцы-репатрианты – советские немцы, жители западных регионов СССР (свыше 130 тыс. чел.), которые, оказавшись под германской оккупацией, в 1943–1945 гг. были вывезены в Германию и получили там германское гражданство. После войны они были принудительно возвращены в СССР и внутри контингента спецпоселенцев «немцы» образовали подконтингент «немцы-репатрианты». Их германское гражданство было признано законом ФРГ от 22 февраля 1955 г. Советское руководство вынуждено было дать согласие на возвращение этих людей в Германию. Подробнее об этом см.: *Привалова М. Ю.* Советские

немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940-е – 1970-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

- ⁸ Текст Указа см.: *История российских немцев в документах.* С. 178–179.
- ⁹ Подробнее об этом см.: *Вормсбехер Г. Г.* Протруберанцы мужества и надежд (1-я и 2-я делегации советских немцев в 1965 г.) // *Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.).* М. : АОО «Междунар. союз нем. культуры», 2003. С. 86–103.
- ¹⁰ Так, например, 26 июня 1974 г. ЦК КПСС принял Постановление «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности».
- ¹¹ Подробнее о попытке создания Немецкой автономной области в Центральном Казахстане и ее провале см.: *Омаров М., Какен А.* Познание себя : к вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. Алматы : Аль-Фараби, 1998.
- ¹² См.: *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р.* Указ. соч. С. 502.
- ¹³ Подробнее о межэтническом конфликте на Волге см.: *Скучаева О. Е.* Конфликтологический анализ ситуации в Саратовском Поволжье на рубеже 1980-х – 1990-х гг. // *Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности.* М. : МСНК-пресс, 2005. С. 346–356.
- ¹⁴ Подробнее о событиях в общественном движении российских немцев в 1989–1991 гг. см.: *Бауэр В., Иларионова Т.* Российские немцы: право на надежду. М. : Республика, 1995. С. 65–355.
- ¹⁵ См.: *Шумилова Л. Н.* Становление и эволюция политической элиты немцев Поволжья (1917 г. – конец XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 192–193.
- ¹⁶ Там же. С. 193.
- ¹⁷ См.: *Российская газета.* 1997. 21 декабря.
- ¹⁸ Протоколы съезда. Текущий архив ФНКА РН.
- ¹⁹ Повседневная жизнь Самоорганизации российских немцев широко и всесторонне освещается на информационном портале URL : www.rusdeutsch.ru.

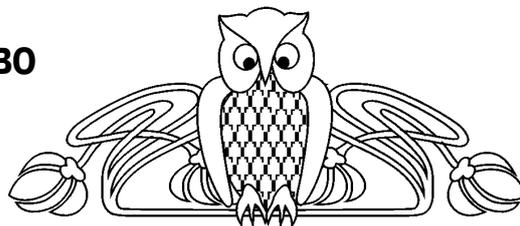
УДК [94:323.1:81,272] (47) |19|

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

А. П. Мякшев

Саратовский государственный университет
E-mail: myakshv@mail.ru

В статье исследуются основные направления и особенности национально-языковой политики Советского государства во второй половине 1940 – середине 1980-х гг. Делается вывод

о приоритетном развитии русского языка, его роли в становлении и формировании советского народа как качественно новой исторической общности. Анализируется специфика взаимодействия русского языка и языков народов СССР в послевоенный период.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, власть, язык межнационального общения, советский народ, титульный этнос, союзные республики.

The National-ethnic Formation of the USSR in the Post-war Period: the Main Directions and Tendencies

A. P. Myakshev

The main directions and characteristics of the Soviet State national-linguistic policy in the second half of 1940s – the middle of the 1980s are analyzed in the article. The conclusion about the priority development of the Russian language and its role in the formation and shaping of the Soviet nation as a qualitatively new historical community is made. The specificity of the interaction between the Russian language and the languages of the USSR peoples in the post-war period is studied.

Key words: ethno-linguistic processes, authority, language of international communication, soviet people, titular ethnos group, Union republics.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-3-40-48

В начале 1980-х гг. на истфаке в МГУ была создана лаборатория по изучению новой исторической общности – советского народа. Руководить лабораторией было поручено видному специалисту по истории советского рабочего класса доценту А. И. Вдовину. Итогом работы автора данной статьи в лаборатории стала защита кандидатской диссертации по историографии феномена под названием «новая историческая общность». Регулярные дискуссии, проводимые в лаборатории, не смогли развеять сомнения по поводу реальности «советского народа». После «национального взрыва» времен «горбачевской перестройки» новая общность была признана историческим мифом, со всей очевидностью демонстрирующим абстрактность и аморфность «теоретических приобретений» периода «развитого социализма». Новое осмысление советских реалий в начале XXI в. заставило ученых обратиться и к «советскости» как одной из качественных характеристик общества, сознания, народа.

Профессор А. И. Вдовин, ставший одним из авторитетнейших специалистов в сфере изучения межнациональных отношений в СССР, не сомневался, что «новая историческая общность людей в СССР была не только сотворенным мифом, но и реальностью». По мнению ученого, «степень “советскости” была не одинакова у разных групп населения», однако «определенно существовала общность не с этническим, а гражданским основанием», причем советский народ был «более сплоченным, чем иные полиэтнические нации»¹. В сегодняшней историографии не осталось сомнений в том, Россия и до 1917 г. не была «тюрьмой народов», зато была как империей, так и национальным государством на основе многонациональной нации².

В пользу существования новой исторической общности говорят многие факторы: значительный рост числа смешанных браков, наличие единого хозяйства, единой школы, единой армии, внутри которых постепенно вытеснялись национальные различия, формирование советского сознания, на-

чинавшееся с самопричисления к «советскому», и т. д. Процессы в национально-языковой сфере свидетельствовали о приобретении советским народом новых этнических свойств. Безусловно, в любом многонациональном государстве существует объективная необходимость выбора одного из наиболее развитых и распространенных языков для преодоления языкового барьера между гражданами, для поддержания нормального функционирования государства и всех его институтов, для создания благоприятных условий совместной деятельности представителей всех этносов, для развития экономики, культуры, науки и искусства. Русский язык обеспечивал каждому советскому гражданину, независимо от его национальности, возможность установления многообразных и постоянных связей с представителями других этнических групп. Исследованию основных направлений и выявлению главных тенденций национально-языкового строительства в СССР в послевоенный период посвящена данная статья.

Языковая политика, проводившаяся в СССР в 1945–1953 гг., была сформирована в 1930-е гг. В июне 1941 г. было официально объявлено об успешном завершении перевода языков народов СССР на кириллицу. Несмотря на политический характер введения кириллицы, зачастую трактуемого как «принудительная русификация», следует согласиться, что это «явление если и не желательное, то естественное: обстановка в стране требовала всеобщего изучения русского языка как единственного «лингва франка», а введение кириллицы облегчало такое изучение»³. Тем более и носители языков народов СССР восприняли этот переход как естественное событие.

Алфавитов на кириллице стало меньше, чем было на латинице. По подсчетам М. И. Исаева, в 1932–1940 гг. потеряли письменность 11 малых народов⁴. Уменьшение числа алфавитов происходило и в результате уменьшения числа официально признанных народов, как это было, к примеру, с дигорцами. В ходе войны языковое строительство было свернуто и для многих народов потом не восстанавливалось.

Главной мерой в языковой политике тех лет стало активное внедрение русского языка во все сферы языковой жизни. Важнейшей вехой в этом процессе явилось постановление ЦК ВКП (б) и СНК от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» и последовавший за этим процесс принятия аналогичных постановлений во всех союзных республиках (в России подобное положение действовало до 1994 г.). Этими актами было положено начало созданию единой централизованной политики в обучении русскому языку.

В историографии отмечен и другой интересный факт: за пределами РСФСР в ряде случаев более мелкие языки вытеснялись не только русским, но и языками титульных этносов союзных республик (форсированное вытеснение абхазского

и осетинского языков грузинским в Грузии, памирских языков – таджикским в Таджикистане)⁵. Официальные лозунги, правда, оставались прежними, а статья 121 Конституции СССР 1936 г. провозглашала право образования на родном языке.

Единого мнения по поводу роли родных языков в партийной среде не было. Секретарь Тюменского обкома ВКП (б) Чубаров в марте 1948 г. в докладной записке А. А. Жданову отмечал плачевное состояние с обучением детей ханты и манси: ежегодно происходит значительный отсев учащихся из начальной школы, а обучение в 5–7 классах продолжают единицы. Минпрос РСФСР, отмечал Чубаров, «рассматривает народности Крайнего Севера нашей области как вполне сложившиеся национальности, имеющие единый литературный язык и свою письменную литературу». На самом же деле, утверждал секретарь обкома, каждая из народностей имеет ряд языковых диалектов, а внутри этих диалектов имеются различные говоры или наречия, а часть граждан, считающих себя по национальности ханты или манси, «в действительности не владеют ни тем, ни другим языком, разговаривая только на русском». Попытки создать «единый литературный хантыйский язык» в 1940 г. ни к чему не привели⁶.

По своему словарному запасу эти языки, подчёркивал Чубаров, крайне бедны, собственной письменной литературы на этих языках нет, тем более что в национальных округах чрезвычайно мало школ с национально однородным составом учащихся, поэтому «невозможно вести обучение на каком-либо одном из северных языков»⁷. В связи с этим Чубаров внёс предложение: во всех школах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов обучение вести на русском языке, исключив со второго года обучения родной язык как предмет. В семилетних и средних школах детям северных народностей предлагалось создать национальные по составу классы, в которых бы обучение велось на русском языке⁸.

Мнение ЦК выразила заведующая сектором школ отдела пропаганды и агитации Л. Дубровина, заявившая, что «перевод обучения детей ханты, манси и ненцев на русский язык отрицательно отразится на развитии национальной культуры... и является неправильным с точки зрения педагогической, так как обучение детей на непонятном для них языке ухудшит качество подготовки учащихся»⁹.

Главным направлением языковой политики Советского государства в послевоенный период стало усиление внедрения в образовательные сферы русского языка. Представляется, что война заставила власть пересмотреть отношение к проблемам морально-политического единства советского народа. «Национальный коллаборационизм» вынуждал советское руководство вырабатывать нетрадиционные методы укрепления общесоветской идентичности. Депортации народов способствовали «перемешиванию» национальной структуры, прежде всего, в местах

ссылки. Думается, неслучайным был сам выбор мест, куда переселяли народы Северного Кавказа. Возможно, целью перемещения горских народов на равнинные территории являлось «формирование» «срединного» типа темперамента советских народов. Тревожное ожидание третьей мировой войны заставляло советских идеологов актуализировать поиск новых «скреп» для достижения единства советского народа. Роль одной из таких «скреп» отводилась русскому языку.

Достаточно красноречивым примером может служить обращение секретаря Марийского обкома ВКП (б) Ларионова к секретарю ЦК М. А. Суслову с предложением вести обучение детей мари русскому языку со второго полугодия первого года по два часа в неделю за счёт родного языка, а также увеличить количество часов на русский язык за счёт часов по иностранному языку¹⁰. В конце 1940-х гг. по заданию ЦК ВКП (б) была проведена проверка национальных школ автономных республик РСФСР. В результате было установлено, что «средняя школа с 1 по 10 класс включительно полностью работает на родном языке только в Татарской автономной республике», а отдельные предметы в небольшом числе школ преподаются в 8–10 классах на родном языке также в Чувашской и Башкирской АССР¹¹. Преподавание же русского языка в школах автономных республик было признано неудовлетворительным.

Поступившие в отдел пропаганды и агитации предложения сводились к признанию необходимости создания с 1949/50 уч. г. специальных отделений по подготовке преподавателей русского языка и литературы в национальных школах, решительному увеличению числа часов на изучение русского языка в национальных школах, перенесению начала изучения русского языка на более ранние сроки. Увеличение часов на обучение русскому языку планировалось осуществить за счёт сокращения количества часов по иностранному языку и родной литературе, поскольку «в большинстве республик литература возникла после Октябрьской революции, невелика по количеству произведений»¹².

Постановление ЦК ВКП (б) «О мерах улучшения преподавания русского языка в школах автономных республик и областей РСФСР» предусматривало увеличение часов на изучение русского языка в национальных школах с 549 до 1590 часов, создание во всех национальных педагогических и учительских институтах отделений для подготовки преподавателей русского языка в национальных школах, расширение изданий специальной детской литературы на русском языке для 1–4 и 5–7 классов национальных школ¹³. Таким образом, после войны был развит курс 1930-х гг. на приоритетное развитие русского языка в рамках формирующейся единой советской общности. В 1950-е гг. такая политика принесла существенные результаты: «интернационализация» в языковой сфере продвигалась успешно,

роль русского языка усиливалась. Данные ЦСУ достаточно красноречиво свидетельствовали о сокращении удельного веса численности детей,

обучающихся на своем родном языке, за счет увеличения удельного веса учащихся, обучающихся на русском языке (табл. 1).

Таблица 1

Количество учащихся, обучающихся на родном и русском языках по республикам СССР, %

Республика/ Язык обучения	1950/51 учеб. год	1953/54 учеб. год	1958/59 учеб. год	1959/60 учеб. год	
РСФСР Русский	92%	94%	94%	94%	Рост 2%
УССР Украинский Русский	80% 19%	77% 22%	70% 29%	69% 30%	Сниж. 11% Рост 14%
БССР Белорусский Русский	87% 13%	83% 17%	75% 25%	73% 27%	Сниж. 18% Рост 16%
УзССР Узбекский Русский	70% 19%	70% 19%	67% 23%	66% 24%	Сниж. 7% Рост 8%
КазССР Казахский Русский	32% 65%	34% 63%	26% 72%	25% 73%	Сниж. 9% Рост 10%
ГССР Грузинский Русский	74% 16%	71% 18%	67% 22%	66% 22%	Сниж. 1% Рост 9%
АзССР Азербайджанский Русский	70% 20%	69% 22%	68% 25%	69% 25%	Рост 6 %
ЛитССР Литовский Русский	85% 12%	83% 10%	84% 11%	84% 11%	Рост 3% Рост 9%
МССР Молдавский Русский	69% 28%	67% 31%	64% 34%	65% 33%	Сниж. 2% Рост 6%
ЛатвССР Латвийский Русский	71% 29%	69% 31%	63% 37%	61% 39%	Сниж. 16% Рост 19%
КиргССР Киргизский Узбекский Русский	43% 8% 49%	41% 10% 49%	39% 10% 50%	38% 10% 51%	Рост 1% Сниж. 20% Рост 13%
ТаджССР Таджикский Узбекский Русский	60% 22% 16%	60% 23% 16%	57% 23% 18%	56% 23% 19%	Сниж. 7% Сниж. 3% Сниж. 9%
АрмССР Армянский Азербайджанский Русский	6% 7% 7%	86% 6% 8%	83% 6% 11%	83% 6% 11%	Сниж. 3% Сниж. 4% Рост 6%
ТССР Туркменский Узбекский Русский	73% 5% 20%	74% 5% 19%	70% 5% 23%	71% 5% 22%	Рост 3% Сниж. 4% Рост 3%
ЭССР Эстонский Русский	83% 17%	80% 20%	75% 25%	76% 26%	Сниж. 15% Рост 16%

Примечание. Сост. по: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 8, 9.

В 1959/60 учебном году в школах СССР обучение велось на 58 языках народов СССР. Больше всего языков обучения насчитывалось в РСФСР – 49, Узбекистане и Грузии – 7, Тад-

жикистане – 6, Украине и Казахстане – 5, Азербайджане, Молдавии, Киргизии и Туркмении – 4, Литве и Армении – 3, Белоруссии, Латвии и Эстонии – 2. ЦСУ констатировало общую

тенденцию национально-языкового развития в СССР – сокращение числа языков, на которых велось обучение в союзных республиках. Так, на Украине в 1940/41 уч. г. обучение велось на 11 языках, а в 1959/60 уч. г. – на 5; прекратилось обучение на армянском, узбекском, киргизском, татарском, туркменском, чешском языках. Не преподавали также и на еврейском языке, хотя в 1940/41 уч. г. на этом языке обучалось 44377 че-

ловек. В Белоруссии и Литве в 1940/41 уч. г. обучение велось на 6 языках, а в 1959/60 уч. г. в Литве в качестве языков обучения осталось 3, в Белоруссии – 2¹⁴.

Число обучающихся на языке коренной национальности союзной республики в 1953–1960 гг. сократилось на Украине, в Белоруссии, Казахстане и других республиках, кроме Литвы, Азербайджана (табл. 2).

Таблица 2

Число обучающихся на языке коренной национальности союзной республики

Национальность	Численность населения в % к общей численности населения СССР на	Численность населения в % к общей численности населения союзных республик на	Из них считают родным языком язык своей национальности в % к общей численности населения союзной республики на	Численность учащихся, обучающихся на родном языке в % к общему числу учащихся СССР на начало учебного года		Численность учащихся, обучающихся на языке коренной нац. союзной респ. в % к общей численности учащихся республики на начало уч. г.	
	15. 01. 1959	15. 01. 1959	15. 01. 1959	1953/54	1959/60	1953/54	1959/60
Русские	54,65	83	83	62,36	66,67	94	94
Украинцы	17,84	77	72	15,58	12,90	77	69
Белорусы	3,79	81	76	3,69	2,96	83	73
Узбеки	2,88	62	61	3,55	3,51	70	66
Казахи	1,73	30	30	1,61	1,40	34	25
Грузины	1,29	64	64	1,63	1,39	71	66
Азербайд.	1,41	67	66	1,54	1,58	69	69
Литовцы	1,12	79	79	1,20	1,14	83	84
Молдаване	1,06	65	64	0,97	1,09	67	65
Латыши	0,67	62	61	0,65	0,58	69	61
Киргизы	0,46	41	40	0,46	0,46	41	38
Таджики	0,67	53	53	0,86	0,84	60	56
Армяне	1,34	88	87	1,22	1,08	86	83
Туркмены	0,48	61	61	0,57	0,60	74	71
Эстонцы	0,47	75	74	0,40	0,40	80	74

Примечание. Сост. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 12, 13.

Во всех республиках наблюдалась одна и та же тенденция – число обучающихся на русском языке превосходило численность населения русской национальности, проживающих в данной республике (табл. 3).

Очень остро стоял вопрос о сохранении и развитии родного языка в республиках Прибалтики. В ноябре 1956 г. секретарь ЦК КП Латвии Я. Калнберзин сообщал в ЦК КПСС о том, что при обсуждении на бюро ЦК вопроса об изучении русского и латышского языков первый секретарь Рижского горкома партии Берклав «предложил срок изучения латышского языка установить в два года, а тех кто... в этот срок не изучит... освободить от работы и предложить им выехать из республики», а председатель Президиума Верховного Совета Латвии Озолинь заявил, что «партийная организация, благодаря преобладанию русских, не ведет работу на национальном языке, становится сектантской»¹⁵.

Заместитель председателя Совета министров Латвии Круминьш заявил «о засилье русских кадров, что г. Рига превращается в русский город и теряет свой национальный облик, в республике игнорируется латышский язык»¹⁶. На предприятиях нередкими были случаи, когда не принимали заявления на русском языке, зато ведомости на зарплату, несмотря на наличие русскоязычных рабочих, составляли, к примеру, на литовском языке¹⁷.

Проблемы национально-языкового строительства были крайне актуальны и значимы для других этносов. Так, в начале 1960-х гг. в Аджарии была выявлена националистическая группа «Общество по сохранению чистоты грузинского языка», в которую входили работники Батумского пединститута. С марта 1961 г. с членов общества за употребление в разговоре негрузинских слов взимался штраф. На собраниях этой группы присутствовал первый секретарь Аджарского обкома

Таблица 3

Число обучающихся на русском языке в союзных республиках СССР

Республика	Численность населения русской национальности, % к общей численности населения республики		Численность обучающихся на русском языке, % к общей численности учащихся республики	
	15. 01. 1959		1953/54	1959/60
РСФСР	83		94	94
УССР	17		22	30
БССР	8		17	27
УзССР	13		19	24
КазССР	43		63	73
ГССР	10		18	22
АзССР	14		20	25
ЛитССР	9		10	11
МССР	10		31	33
ЛатвССР	27		31	39
КиргССР	30		49	51
ТаджССР	13		16	19
АрмССР	3		8	11
ТССР	17		19	22
ЭССР	20		20	26

Примечание. Сост. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 14.

ЛКСМ Лордкипанидзе, который «неоднократно увеличивал штраф»¹⁸.

В Верховный Совет СССР часто приходили письма, в которых высказывалась озабоченность судьбой украинского языка. Так, И. Б. Коваленок настаивал на том, что в Сибири и на Дальнем Востоке украинцы и белорусы, подвергавшиеся русификации, не имеют возможности изучать в школах родной язык: «учителя и профессора... отрицают в школах национальные языки многих народов, открыто преследуют их, изживая в школах и семьях», и предлагал в данном регионе «считать обязательным знание наряду с русским одного из родственных – украинского или белорусского – языков для руководящих работников учреждений»¹⁹.

Власть осознавала серьезность вопросов языкового строительства и реагировала на все письма практически однозначно: в СССР созданы все условия для развития национальных языков. Характерным примером политики языкового либерализма могут служить данные справки, подготовленной ответственным работником аппарата Верховного Совета СССР Н. Ф. Викулиным в отдел партийных органов ЦК КПСС, согласно которым к январю 1964 г. в Украинской ССР кроме украинских и русских школ имелись до 100 венгерских школ, до 4 школ на польском языке, а в Закарпатской области издавались газеты на русском, украинском, венгерском языках²⁰.

Одним из главных мероприятий в национально-языковой области в период «хрущевской оттепели» стала школьная реформа 1958 г. До по-

следнего времени это мероприятие не привлекало внимания исследователей. Реформа предоставила родителям свободу выбора между русскими и национальными школами и сделала второй язык факультативным. Ю. Слезкин считает, что школьная реформа 1958 г. стала единственным практическим шагом в направлении слияния наций, хотя «теоретически казахам разрешили не изучать русский; практически русских больше не заставляли изучать казахский»²¹. Главное, по всей видимости, заключалось в том, что родители, обладая правом выбора языка обучения, могли руководствоваться при этом простым желанием дать детям образование на том языке, который бы способствовал их последующей карьере. Полноценно выучить русский язык, дающий возможность «устроиться в жизни», в национальной школе не представлялось возможным, и поэтому предпочтение стало отдаваться русской школе.

В 1970-е и первой половине 1980-х гг. обострились и национально-языковые проблемы. Государственная поддержка русского языка заметно усилилась. «В условиях, когда вопрос об удовлетворении потребности взаимопонимания был главным, речь не могла идти о равенстве языков, несмотря на формальные декларации»²².

Показательно постановление ЦК КП Узбекистана от 25 января 1978 г. «О некоторых дополнительных мерах по дальнейшему повышению уровня подготовки молодежи к службе в Вооружённых Силах СССР», центральным пунктом которого было резкое усиление внимания к обучению узбекской молодежи русскому языку²³.

В Узбекистане были введены дополнительные занятия по изучению русского языка в школах, ПТУ, вузах и средних специальных учебных заведениях (ссузах), организованы курсы для юношей допризывного и призывного возрастов²⁴. Для Узбекистана, как и для ряда других национальных республик, где незнание русского языка, прежде всего сельской молодёжью, становилось серьёзным препятствием для межнационального общения, к примеру в Советской Армии (одним из факторов, способствовавших созданию советского народа как новой общности, в которой этническое всё больше уступало место общесоветскому), это решение имело большое значение²⁵.

31 мая 1978 г. в ЦК КПСС был подготовлен проект постановления «О дальнейшем совершенствовании системы изучения русского языка в союзных республиках». В докладной записке к данному постановлению отмечалось, что в стране обучение ведется на 45 языках народов СССР, в национальных школах обучалось 15 млн школьников, которые наряду с родным изучали и язык межнационального общения – русский язык. Однако состояние преподавания русского языка и практическое владение им учащимися современным требованиям отвечало не везде, значительная часть выпускников из числа лиц коренных национальностей слабо знали русский язык²⁶.

Недостаточное знание русского языка создавало для таких молодых людей затруднения при переходе к активной деятельности на производстве и прохождении службы в Советской Армии, ограничивало использование их возможностей в других республиках и регионах страны. В записке отмечался недостаток 6,5 тыс. учителей русского языка в национальных школах, разницей в его преподавании в различных союзных республиках: на Украине, в Белоруссии, Литве и Эстонии изучение русского языка начиналось не с первого, а со второго года обучения; время, отводимое на изучение русского языка в первом классе, варьировалось от 1,5 часа в неделю в Туркмении, Латвии, Молдавии, Узбекистане до 4 часов в Армении²⁷.

ЦК КПСС признал необходимым улучшить обучение русскому языку в школах страны и обеспечить свободное владение русским языком всех учащихся. Для этого к 1980 г. планировалось разработать единые типовые программы по обучению русскому языку, обеспечить фундаментальную подготовку учителей-словесников, предусматривалось при этом увеличение необходимых ассигнований на эти мероприятия. Секретные пункты постановления предусматривали для лиц, подлежащих призыву на службу в армию и слабо владеющих русским языком, прохождение 2–3-месячной языковой подготовки, а также организацию преподавания начальной военной подготовки во всех учебных заведениях страны исключительно на русском языке²⁸.

Широкое и повсеместное обучение русскому языку, что в рамках единого государства было

естественным и целесообразным процессом, в национальных регионах приходило в противоречие с необходимостью сохранения и развития родных языков населяющих страну этносов. Не было ни фактического, ни даже юридического равноправия языков, несмотря на то что в Конституции СССР русский язык не именовался государственным.

При подготовке Конституции 1977 г. предлагалось в законодательном порядке придать русскому языку статус общегосударственного языка, однако в Верховном Совете сочли, что данное предложение принимать нецелесообразно, «поскольку оно противоречит принципам ленинской национальной политики по вопросам языка»²⁹. Характерно при этом, что Конституция 1977 г., в отличие от Конституции 1936 г., говорила не о праве, а лишь о возможности образования на родных языках.

В Конституциях АзССР, АрмССР, ГССР, правда, имелись восходящие ещё к первым годам советской власти формулировки о соответственно азербайджанском, армянском и грузинском языках как государственных. Не случайно угроза исключения записи о грузинском языке как государственном привела к массовым акциям протеста 14 апреля 1978 г. в Тбилиси, в результате которых грузинское руководство пошло на уступки демонстрантам и оставило в Конституции запись об одном государственном языке – грузинском. Союзное руководство вяло отреагировало на эти события. Никто из руководивших демонстрацией не пострадал, Тамрико Чхеидзе, наиболее активно участвовавшая в подготовке акции протеста, продолжила обучение в университете. Аналогичные события, хоть и в меньших масштабах, с меньшим накалом страстей, в Армении привели к аналогичным результатам: армянскому языку был оставлен статус государственного³⁰.

Проблемы, конечно, остро стояли в Прибалтике, на Украине... Жители Белоцерковского района Киевской области «с гневом и возмущением» воспринимали то, что митинг передовиков сельского хозяйства, посвященный успешному выполнению обязательств по продаже хлеба государству в 1976 г., проходил на русском языке, а ведь в Киевской области «в сёлах живут одни украинцы». В качестве доказательства «принижения... чувства национальной гордости» приводились факты «непонимания украинского языка» первым секретарём обкома, председателем облисполкома, первым секретарём обкома ЛКСМ Безрутченко, «который вообще не любит ни украинцев, ни украинского языка»³¹.

В апреле 1967 г. председатель КГБ СССР В. Е. Семичастный переслал в ЦК КПСС анонимное «Открытое письмо» П. Е. Шелесту, распространяемое на Украине. Авторы письма, констатируя тот факт, что ещё Сталин приостановил украинизацию, а современная официальная пропаганда ведет дело к неизбежности слияния языков и наций на основе русификации, предла-

гали «ввести украинский язык как обязательный в абсолютном большинстве яслей, детских садов и школ республики, ... сделать обязательными вступительные экзамены в вузы на украинском языке»³².

Заместитель председателя КГБ СССР С. Банников вскоре сообщил, что это письмо имеет хождение среди творческой интеллигенции, и после того как его подпишут известные люди Украины, «его пошлют в инстанции»³³. Сам же Шелест мог учинить разнос командующему Прикарпатским военным округом за то, что «объявление о партконференции было написано на русском языке»³⁴. Знаменательно, что в партийной среде политика Шелеста всегда противопоставлялась политической линии его преемника В. В. Щербицкого, которому молва приписывала обязательство, якобы данное Суслову, в пятилетний срок покончить с украинским языком³⁵.

Наиболее остро национально-языковые проблемы вставали в российских автономиях. Не случайно татарин М. А. Фарваев из Ижевска Удмуртской АССР в 1982 г. в письме в Верховный Совет СССР перспективу родных языков в России оценивал как «трагедию малых народов», как «страшное время, когда не встретишь ни одного соотечественника и не услышишь родные песни и мелодии». Автора письма устраивал другой вариант языковой политики: «В РСФСР народы закабалены русским языком, но это не сделано в Грузии, там народ пользуется родным языком, а русский как вспомогательный»³⁶.

Более острые ситуации в национально-языковой области возникали там, где одной из задач становилось достижение реального троязычия. Министр народного образования Башкирской АССР Р. Гарданов вспоминал, что в 1974–1979 гг. более 1100 национальных школ автономной республики были переведены на русский язык обучения – «без преподавания родного языка даже как предмета»³⁷. Затем прошла вторая волна, вызвавшая особое возмущение со стороны татар, проживавших в Башкирии (в республике, по данным переписи 1979 г., проживало 936 тысяч башкир – 24,3 %, 940 тысяч татар – 24,5 %, 1548 тысяч русских – 40,3 %³⁸). В школах северо-западных районов Башкирии, где проживало татароязычное население, волевым путём было введено изучение башкирского языка как предмета, а в некоторых начальных школах даже обучение на башкирском языке.

Жители деревни Тульгузбаш Аскинского района Башкирской АССР приводили факты давления башкирских властей с целью изменить языковой режим в регионе в пользу башкирского языка (заставляли выписывать периодическую печать на башкирском языке), хотя «башкирской разговорной речи в деревнях невозможно услышать», и соглашались с тем, что «лучше с первых классов перейти на русский язык обучения, чем на башкирский (всё равно другой, но пользы будет больше)»³⁹.

Кстати, и татары в Татарской АССР были недовольны языковой ситуацией в республике. Так, С. Б. Галеев из Казани писал в Совет национальностей в 1982 г., что «обучение детей татар родному языку в Татарской республике вызывает сожаление и является пародией на обучение». В Казани, писал он, где около половины населения татары, имеется одна татарская школа и в трёх школах имеются татарские классы, в русских школах для детей татар созданы группы по изучению родного языка по два часа в неделю, при этом изучение родного языка не обязательное, без сдачи экзамена⁴⁰.

Большое значение для национально-языковой политики имела сформированная в 1920-е гг. система территориально-национальных образований. Если в 1920–1930-е гг. реальная иерархия языков значительно отличалась от их формальной, связанной со статусом соответствующего образования, иерархии, то в период «развитого социализма» окончательно сложилась прямая зависимость уровня развития того или иного языка от национально-государственного статуса его носителя.

Несмотря на неопределенность юридического статуса русского языка, представляется, что именно русский язык находился на вершине языковой иерархии в СССР. Объяснение этому явлению, пожалуй, не следует искать в политической сфере, поскольку использование русского языка в едином государстве было необходимым по причине практического удобства. Собственно, русский язык играл в СССР роль, идентичную той роли, которую играл английский язык в США, и тем самым подтверждал общие для многонациональных государств тенденции в языковой сфере.

По данным переписи 1989 г., из этнических русских при общем количестве в 145 млн родным языком назвали не русский, а какой-либо другой всего лишь 320 тыс. человек, преимущественно на Украине и в Литве, а в РСФСР – всего лишь 55 тыс.⁴¹ В официальном делопроизводстве на союзном уровне, международных отношениях, в армии, во многих сферах техники и естественных наук употреблялся исключительно русский язык.

Однако знание русского языка в союзных республиках было неодинаковым. Так, по примерным подсчетам М. Н. Губогло, людей, не владевших русским языком в Молдавии, было не более 5 %⁴². Подобная ситуация наблюдалась в РСФСР, Украине, Белоруссии, Прибалтике, Казахстане, Грузии, Азербайджане. В Закавказье худшие показатели знания русского языка наблюдались в наиболее моноэтничной Армении⁴³.

Население же Средней Азии, прежде всего «большинство сельского населения с низким образовательным уровнем, владеет и пользуется просторечными и диалектными формами родных языков и не знает русского языка»⁴⁴. Согласно данным переписи 1989 г., русским языком свободно владели лишь 20,7 % каракалпаков, 23,8 %

узбеков, 27,6 % туркмен, 35,2 % киргизов⁴⁵. Эти данные свидетельствовали о том, что процессы становления единой языковой советской общности были далеки от завершения. Наличие языковых противоречий в СССР по схеме: русский язык – все остальные, трудно отрицать. Однако жесткая ассимиляционная политика в Грузии или Таджикистане опровергает тезис о том, что эти противоречия являлись главными и единственными. Положение в языковой сфере к моменту распада СССР свидетельствовало, что наряду с объективно реализуемой центральной властью политикой русификации набирала силу тенденция превращения СССР в пятнадцатязычное государство.

Однако русский язык продолжал оставаться мощным фактором единения советских этносов, основой функционирования всех институтов единого государства. Русский язык играл интегрирующую роль в возникновении и развитии новой исторической общности, одновременно придавал этому феномену очевидную этническую характеристику и выступал в качестве главного признака формирующегося советского суперэтноса. В основе советской идентичности объективно находился русский язык – язык межнационального общения, позволяющий представителям различных этносов ощущать свою одинаковость, похожесть, близость, причастность к особой культуре и духовности.

Примечания

- 1 См.: *Вдовин А. И.* История СССР от Ленина до Горбачева. 2-е изд. М., 2014. С. 479.
- 2 См., напр., книгу В. А. Никонова «Российская матрица» (М., 2014).
- 3 *Аллатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 91.
- 4 *Базиев А. Т., Исаев М. И.* Язык и нация. М., 1973. С. 121.
- 5 *Додыхудоева Л. Р.* Социолингвистическая ситуация Горного Бадахшана // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект.* М., 1997. С. 85–86.
- 6 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 51. Л. 127, 128.
- 7 Там же. Л. 132, 133.
- 8 Там же. Л. 135.
- 9 Там же. Л. 136.
- 10 Там же. Л. 82.
- 11 РГАСПИ. Д. 189. Л. 9.
- 12 Там же. Л. 11.
- 13 Там же. Л. 14, 15, 17.
- 14 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 9, 10, 11.
- 15 Там же. Д. 59. Л. 59, 60.
- 16 Там же. Л. 58.
- 17 Там же. Д. 100. Л. 13.
- 18 Там же. Д. 222. Л. 38.
- 19 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 83. Д. 182. Л. 107.
- 20 Там же. Д. 1136. Л. 55.
- 21 *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период.* Самара, 2001. С. 362.
- 22 *Аллатов В. М.* Указ. соч. С. 112.
- 23 РГАНИ. Оп. 75. Д. 158. Л. 1, 2. См. также: *Галаганов З. П.* Межнациональные отношения в СССР. Кемерово, 1996. С. 44.
- 24 РГАНИ. Оп. 75. Д. 158. Л. 2.
- 25 Там же. Л. 4.
- 26 Там же. Ф. 89. Пер. 23. Д. 30. Л. 4, 5.
- 27 Там же. Л. 6, 7.
- 28 Там же. Л. 13, 14, 15, 17.
- 29 ГАРФ. Оп. 136. Д. 1174. Л. 198.
- 30 См.: *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М., 1995. С. 321; *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР. М., 2001. С. 84–85.
- 31 ГАРФ. Оп. 117. Д. 558. Л. 107.
- 32 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 56. Л. 67, 80.
- 33 Там же. Л. 107.
- 34 ГАРФ. Д. 144. Л. 128, 129, 130.
- 35 См.: *Алексеева Л.* Указ. соч. С. 89.
- 36 ГАРФ. Оп. 136. Д. 34. Л. 82, 87.
- 37 См.: Советская Россия. 1989. 22 авг.
- 38 См.: *Брук С. И.* Население мира. М., 1981. С. 212.
- 39 ГАРФ. Оп. 136. Д. 34. Л. 93.
- 40 Там же. Д. 32. Л. 163, 164.
- 41 См.: *Этнополис.* 1992. № 1. С. 137–138.
- 42 См.: *Губогло М. Н.* Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев, 1979. С. 7.
- 43 См.: *Население СССР.* М., 1990. С. 37–39.
- 44 См.: *Баскаков А. Н.* Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // *Язык в контексте общественного развития.* М., 1994. С. 157.
- 45 См.: *Население СССР.* С. 37–39.